

—А на работе пока всё было тихо. Гострем на лето исчез, где-то отдыхал. Новая научная тематика у меня пока не определилась, по своей старой я ещё что-то доделывал, следил за литературой, но всё как-то без увлечённости, по инерции.

—В обсерватории появилась новая личность - Миша Круковер (Михаил Исаакович), лысый уже, лет тридцати пяти, носатый, губастый, фиксатый, живой, весёлый, разговорчивый тип. Скорее всего еврей, но вряд ли чистокровный. Приехал он из Иркутска, работал у Гострема, хорошо его знал, был полон энтузиазма. Специалист по радиоэлектронике якобы, должность же у нас занял необычную - зав. сектором, таких должностей у нас раньше не было. Что входило в его сектор, тоже не было понятно; видимо, Гострем собирался что-то организовать, но что именно, пока не было ясно. Как будто что-то связанное с установкой и обслуживанием эталона времени и частоты для проведения высокоточных фазовых измерений при распространении длинных радиоволн. Для меня это всё были вещи тёмные и вникать в них не было интересно, поскольку своего места я в этом направлении не видел.

—Круковер часто мотался по командировкам, "искал заказчика", как он говорил.

—- Чтобы развернуть настоящее дело, нужны люди и аппаратура, а для того и другого - деньги, которые должен дать заказчик - организация, которой требуется провести какое-то исследование или разработку, которые она сама провести не может или не хочет по каким-либо причинам: нет производственных площадей, лимитированы штаты, или исследование относится к смежной, а то и вовсе к другой области, но может субсидировать тех, кто за это исследование или разработку возьмётся, - пояснял мне свою задачу Круковер.

—Я в эти его заботы не вникал, тем более что начался учебный год, и мне предстояло вести практические занятия по новым предметам - электричеству и электродинамике, которые Гострем читал опять же по своей экспериментальной программе, объединяя в один оба этих курса, первый из которых традиционно относился к общей физике, а второй - к теоретической.

—Как и в предыдущем семестре, я добросовестно ходил на все гостремовские лекции по этим предметам, чтобы на практических занятиях разъяснить студентам непонятные места из лекций. А непонятных мест хватало. Помимо иностранного косноязычия у Гострема бывали и просто небрежности, а иногда и ошибки. На мои замечания по этому поводу он реагировал почему-то сердито и чаще всего просто уваливал от ответа, бормоча какую-нибудь абракадабру. Между нами возникали стычки, и у меня постепенно накапливалось раздражение по поводу его манер, к которым я ещё недавно относился снисходительно.

—Сами же занятия меня увлекали, и я проводил их с удовольствием. Группы у меня были те же, в которых я вёл тензорный анализ, и отношения со студентами оставались тёплыми. Манеру свою я не изменил и старался внешне держаться строго, порой даже сурово, и уж ни в коем случае не допуская фамильярности.

—Со стажировки вернулся Альберт Кузьмич Приц, возглавлявший кафедру теоретической физики до появления Гострема. Сам он к теоретической физике имел довольно отдалённое отношение, занимался биофизикой, готовил докторскую диссертацию. Вид у него был бодрый, энергичный, лет ему было около сорока, занимался теннисом и пытался сплотить вокруг себя коллектив своей кафедры, вовлекая сотрудников в хозяйственные работы по теоретическим исследованиям поведения популяций рыб, пытаясь понять с позиций теоретической физики, куда и зачем стаи рыб переменяются, что, конечно, имело большое значение для рыболовного хозяйства нашей области и всей страны.

—В ходе этих исследований Приц вводил новые фундаментальные физические понятия вроде "отрицательной температуры", что несколько смущало и вызывало определённые

подозрения насчёт его квалификации. Это, впрочем, не создало у меня предубеждения в отношении к нему, поскольку в научных его проблемах я не разбирался, а внешне он производил вполне благоприятное впечатление, исключая, быть может, излишний апломб.

— Появление Гострема, конечно, не обрадовало Прица. Ясно было, что прицевская тематика Гострему ни к чему, а, будучи доктором и профессором, Гострем мог при желании прицевскую кафедру прибрать к своим рукам, что он и сделал на время отсутствия Прица. Однако по возвращении со стажировки Приц получил свою кафедру себе обратно, а Гострем стал заведовать новой кафедрой - кафедрой экспериментальной физики, на что ему, видимо, удалось выбить разрешение в министерстве. Несмотря на благополучный делёж кафедр, отношения Гострема с Прицем не складывались, теперь уже из-за нагрузки, которую Гострем отхватывал у всех кафедр, ограничивая тем самым их штатные возможности.

— Ещё в начале года, когда Гострем возглавил объединённую кафедру теоретической и экспериментальной физики, он объявил, что будет готовить студентов по специальности "радиофизика" (Гострем и себя именовал "профессором радиофизики, так сказать"). В феврале как раз происходило распределение третьекурсников по кафедрам. Самые способные шли обычно на теоретическую физику, за которую вели агитацию Шпилевой, Кузин, Корнеев и Серёжа Лебле. Вербовкой студентов на радиофизику занимались Гострем, Кондратьев, Виталик и я.

— Гострем произносил речи, подобные тем, с которыми он выступал при первых своих публичных появлениях в обсерватории и в университете - некие грандиозные общие перспективы, "научные корабли, так сказать..." и т.п., Кондратьев рассказывал о своих экспериментах в области физики твёрдого тела, мы с Виталиком - о космической геофизике, которая на самом деле лежит на стыке целого ряда наук, в том числе и радиофизики.

— В результате на радиофизику распределились: Саша Махоркин, Вася Слежкин, Юра Зимарев, Володя Медведев, Коля Бобарыкин, Витя Васильев, Саша Шевчук, Алексей Кожевников и Володя Шibaев. И ни одной девчонки, несмотря на то, что в целом они преобладали на курсе, как и во всём университете. На девчонок Гострем почему-то не производил привлекательного впечатления, они его побаивались, да и само слово "радиофизика" обычно студенток уже отпугивает, и у нас в ЛГУ на радиофизику девчонки шли значительно меньше, чем на другие кафедры. Ну, а Гострема, да и нас, его сотрудников, это только радовало. Парни есть парни, а девчонкам вообще незачем в науку лезть.

— Принятым на радиофизику мы с Виталиком читали (по разделам) спецкурс "Волновые процессы в космической плазме", летом я руководил производственной практикой этих ребят и хорошо изучил каждого. Махоркин и Шibaев выделялись пониманием, Слежкин - старанием, Бобарыкин - подхалимством, Шевчук - святой простотой и увлечённостью рыбалкой, Зимарев - распапайством, Кожевников - общительностью, а Медведев и Васильев - замкнутостью. Эта компания студентов и составила самый низ гостремовской команды, численность которой непрерывно росла.

(продолжение следует)